

Сергей Изуграфов
Ярче тысячи солнц

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

**Ярче тысячи солнц. Детективная
серия «Смерть на Кикладах»**

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Ярче тысячи солнц. Детективная серия «Смерть на Кикладах» /
С. Изуграфов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832845-9

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. В этой книге героям придется столкнуться с опасной и непредсказуемой угрозой: с американской военной базы в соседней Турции похищена ядерная боеголовка...

ISBN 978-5-44-832845-9

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Часть вторая	15
Часть третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ярче тысячи солнц Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4483-2845-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ярче тысяч солнц
В небе Свет разольется —
Будто Всевышний прорвется,
Необъятным сиянием полн!

Махабхарата

Пролог

*Каждый таскает за собой свою смерть
до первого удобного случая.*

Милорад Павич, «Внутренняя сторона ветра».

Южная ночь, наполненная загадочными шорохами, терпкими ароматами цветов и нагретой за день на солнце травы, металлическим треском цикад и плеском волн о прибрежные скалы, плотным непроницаемым покровом окутала небольшой остров в Эгейском море. При полном безветрии яркие гирлянды сотен созвездий отражались в морской глади так же ясно и четко, как и в небе, будто в этот час границы между морем и небом наконец-то стерлись, и обе стихии стали единым целым.

В свете молодой луны небольшая весельная лодка, словно стараясь остаться незамеченной, бесшумно скользнула мимо рыбацких суденышек, пришвартованных в уютной марине у мыса Алики острова Парос, и, лишь отойдя на значительное расстояние на веслах, ее владелец включил приглушенно затарахтевший мотор, звук которого на таком удалении от берега почти полностью скрадывался шелестом ночного прибора.

Теперь с острова его точно не услышат и не увидят.

Сидящий в лодке щуплый парень лет двадцати пяти, с подвижным смуглым лицом, нервно вытер вспотевший лоб рукавом замызганной рубахи и с облегчением выдохнул. Он легонько пнул ногой пластиковый ящик, стоявший под средней банкой, – в ящике что-то звякнуло. Парень удовлетворенно кивнул: пара бутылочек «Эфеса» там еще точно должны были остаться – но это потом, когда он вернется с уловом.

Старенький и многократно чиненный «Эвинруд» чихал и плевался, но при полном безветрии мощности взятого в прокат двигателя хватало за глаза, чтобы лодка уверенно скользила в нужном направлении от острова, на северо-восток, туда, где местные рыбаки облюбовали обширные мели – «банки», где в большом количестве устанавливали ловушки на омаров и осьминогов. И те, и другие пользовались большим спросом в ресторанах, что в великом множестве открылись за последний год на набережных Пароса.

Надо было спешить! До рассвета часов пять – не больше...

Скоро рыбаки выйдут на промысел, и ему лучше не попадаться им на глаза. Островные греки терпеть не могут воров. Да еще чужаков.

Пепе Риччи, по прозвищу Фарабутто¹, полученному от дружков по колонии для несовершеннолетних в Марселе еще лет десять назад, – так звали молодого итальянца, управляющего «Эвинрудом» и напряженно всматривающегося вдаль, чтобы не пропустить «банки», – невольно поежился и прибавил газу.

Однажды ранним утром он попался на одном из островов рыбакам, когда резал острым ножом их сети и сбрасывал в свою лодку самую ценную добычу: саргана, луфаря и лаврака, оставляя в драных сетях или безжалостно выбрасывая за борт яркоокрашенных, но менее ценных в гастрономическом плане спикар и менол.

Он так увлекся, расправляясь с сетями, набитыми рыбой, что не услышал, как рыбаки подошли из-за соседнего островка. А когда, воровато оглянувшись, он их все же заметил, бежать было уже поздно.

Нет, они его не били. Не захотели «руки марать», как сказал самый старший из греков, когда молодежь уже была готова спустить с Пепе Фарабутто шкуру живьем... Островитяне отобрали все, что он успел украсть из их законного улова, связали воришке руки за спиной

¹ мошенник, пройдоха, плут – итал. (прим. автора)

и отвезли на островок, что одиноким камнем едва поднимался из морских вод в миле от большой земли. Там, вытолкнув его на скалу, рыбаки развязали ему руки и отплыли, оставив его одного.

Лишь когда лодка отошла метров на двадцать, старый грек бросил ему через плечо: «Три дня! Может быть...» И молча отвернулся, не прибавив более ни слова.

Сперва Пепе обрадовался: подумаешь, три дня! Не самый длинный тюремный срок в его жизни, уж как-нибудь отсидит! Здесь ему опыта не занимать! Хорошо, что не избили: побои Пепе переносил плохо, крепким здоровьем он не отличался, оттого болел потом долго, по несколько недель, надсадно кашлял и мочился кровью... Приуныл он, лишь когда, обойдя небольшой островок, плоский, как сковорода, не обнаружил на нем ни деревьев, ни кустарников, ни мало-мальски вместительной пещеры, где можно было бы скрыться от лучей палящего солнца, ни источника пресной воды...

Это была каменная ловушка, раскалявшаяся днем, словно жаровня, и не успевавшая остыть за ночь. Уплыть с негостеприимного острова Пепе не мог и мечтать, хоть до другого берега было подать рукой. Фарабутто попросту не умел плавать: научиться у него не было никакой возможности – в колонии для малолетних не было бассейна...

К полудню следующего дня он уже был в отчаянии и панике, ночь прорывал от страха. Второй день, изнывая от зноя и жажды, он провел в полузабытьи, забравшись по горло в воду под скалой, в единственном месте, где была хоть какая-то тень от каменного козырька. К концу третьего дня заключения он почти терял сознание от усталости, голода и жажды, но, дождавшись заката, все же кое-как выбрался на раскаленные камни и долго вглядывался в горизонт в ожидании лодки, шепча растрескавшимися от жары и морской соли губами: «Три дня! Три дня! Он же сказал – три дня!..»

Когда под утро лодка все-таки пришла, он уже был без сознания, но продолжал бредить и всхлипывать.

Рыбаки молча погрузили его в лодку, бросив, словно мешок с картошкой, на тук с сетями, и отвезли на берег. Там так же бесцеремонно они выбросили его на старый деревянный пирс и по приказу старшего окатили двумя ведрами пресной воды.

Когда он пришел в себя, то увидел, что в паре метров от него на деревянном ящике сидит тот самый старик грек и курит трубку, глядя куда-то в сторону моря. Не оборачиваясь, рыбак вынул трубку изо рта и неторопливо произнес: «Уезжай отсюда до полудня! Еще раз увидим – останешься там навсегда!», после чего поднялся и ушел, даже не взглянув на молодого итальянца.

Теперь Пепе поумнел. Он больше не резал чужих сетей.

Перебравшись на многолюдный Парос, первым делом он нашел повара-итальянца в одном из небольших ресторанчиков и предложил свои услуги в качестве поставщика ценных морепродуктов за треть от их реальной стоимости – надо же с чего-то начинать на новом месте! Омары, лангусты и осьминоги шли в их расчетах от трех до семи евро за штуку, если размер был подходящим.

Старую лодку он купил за пятьдесят евро и неделю провозился с ремонтом, пытаясь как следует законопатить щели и засмолить днище. Лодка была деревянная, простецкая, с ржавыми уключинами и рассохшимися от времени веслами, – но ему и такая годилась. Надолго задерживаться на одном месте Фарабутто в любом случае не собирался. Накопить две-три тысячи евро – и вернуться в Марсель, где его уже поджидали дружки и большие дела. Вот и все, чего он хотел. Там-то он уж точно разбогатеет, оправдывая свою фамилию, что, словно в насмешку, дала ему судьба.²

² «Риччи» – итал. – «богатый» (прим. автора)

Вскоре показалась первая «банка»: здесь морская вода вела себя несколько иначе, серебрясь в свете луны мелкой рябью.

Сквозь прозрачную толщу воды были явственно видны подводные морские луга, все заросшие густой травой, – отличительная черта Эгейского моря. В большом количестве по «банке» были разбросаны ловушки на омаров и лангустов – плетеные ивовые или сетчатые корзины с узким горлом из металлической проволоки. Место их установки обозначали яркие белые поплавки на тонком тросе, плавающие на воде. Для ловли кальмаров местные использовали и попросту старые глиняные горшки, похожие на амфоры, пластиковые и металлические бидоны, а некоторые – даже автомобильные шины.

Пепе быстро подплывал к ловушке, вытягивал ее наверх с помощью ручной лебедки и, если в ловушке были омары, он забирал одного, самого крупного. Если омар или осьминог был всего один, он возвращал ловушку обратно и плыл к следующей. Никогда не забирал все, чтобы не вызвать у рыбаков подозрений. Одно дело, когда в ловушке на омара меньше, – кто там сосчитает, сколько их всего было? Другое – когда ловушка пуста на протяжении нескольких дней! Рыбаки же не идиоты...

Постепенно ящик для омаров наполнялся: сегодня улов был особенно хорош! Пепе не смог сдержать счастливой улыбки. Уже двенадцать крупных ракообразных ползали по отсеку, производя характерные скребущие звуки, радовавшие душу. А это всего лишь первая «банка»! Впереди были еще четыре отмели.

Если и там повезет не меньше – то есть шанс выбить из повара все двести евро! Правда пятьдесят придется сразу ему же и вернуть за мотор и лодку, еще пятьдесят – за неделю проживания в подсобке ресторана: соотечественник-то он, конечно, соотечественник, но жадный – пройдоха тот еще! Но и сто евро за ночь чистыми – это отличный результат! С учетом, что

чаще, чем пару раз в неделю Пепе не решался на свои пиратские вылазки, глядишь, к осени заветная сумма окажется у него в руках!

В остальные дни Фарабутто промышлял тем, что незаметно фотографировал тех или иных отдыхающих по наводке повара, который вручил ему недорогой фотоаппарат и научил им пользоваться. Зачем это было нужно, Пепе не вникал. Главное, что за эту работу повар тоже приплачивал: иногда тридцать, а то и пятьдесят евро за наиболее удачные фотографии.

Особенно повар пришел в восторг от снимков какого-то разомлевшего от пива и солнца толстяка, сидевшего в обнимку с пышной блондинкой. Итальянец с восторгом отсмотрел по несколько раз все фото, цокая языком от радости. Постепенно до Фарабутто дошло, что речь идет о шантаже, но ему было плевать: очередные пятьдесят евро пополнили его копилку – небольшую жестяную коробочку из-под сигар, спрятанную им в дальнем углу подсобки под деревянной половицей.

Фотоаппарат и сейчас был с ним – в футляре под сиденьем. Накануне днем его тоже ждала работа: в отель въехали новые туристы откуда-то с Востока, и их зачем-то надо было сфотографировать незаметно, проследив, с кем на открытой террасе ресторана они будут общаться. Пепе пожал плечами: надо – так надо!

Он все сделал чисто и незаметно. Отщелкал кадров тридцать. Не успел еще даже сам просмотреть – торопился в порт. Повар вручил ему фотоаппарат на три дня, сказал, чтобы он сделал как можно больше хороших снимков, а неудачные все стер. Лишняя возня! Но это потом, сначала сдать улов и получить свои кровные!

Осталась последняя «банка». Она находилась чуть поодаль, за соседним островком, метрах в пятистах. Пожалуй, он снова заведет «Эвинруд»: он и так уже устал, а ему еще грести обратно.

Когда лодка Фарабутто, разогнавшись, почти достигла маленького островка, он внезапно резко сбросил скорость и упал на дно лодки.

Метрах в трехстах от островка на якоре стояло крупное, как ему показалось, совершенно черное судно. На освещенной палубе возились несколько человек, переговаривавшихся на неизвестном итальянцу языке. Вдоль бортов разгуливали вооруженные часовые.

Кто они такие и что здесь делают? Уж точно не рыбаки, подумал он с досадой, лежа в лодке лицом вниз. Только бы не заметили! Хлопот не оберешься! Черт с ней, с последней «банкой» – и так ящик с омарами полон, да четыре крупных осьминога шевелили щупальцами в пластиковой бочке. Надо выбираться отсюда!

Он аккуратно, стараясь почти не дышать, опустил в воду весла и легкими гребками погнал лодку обратно за спасительный островок.

Внезапно вода у кормы неизвестного судна забурлила, и на поверхности показался подводный аппарат, всплывший рядом с загадочным кораблем. Пепе никогда в жизни не видел такого. Настоящая подводная лодка с яркими огнями прожекторов и огромными стальными клешнями-манипуляторами. Два человека из команды перескочили на крышку аппарата, прицепили четыре стальных троса подъемного крана к петлям, приваренным к верхней части подлодки и вернулись обратно. Один из них махнул рукой и что-то прокричал. Взыли тяжелые лебедки, стрела мощного крана напряглась, и из воды постепенно показалось все тело подводного монстра. Струи воды стекали с него бурными потоками. Картина была фантастической и жуткой.

Повинуясь безотчетному порыву, Пепе бросил весла и схватился за фотоаппарат. Не успев подумать о том, какую непоправимую глупость он совершает, молодой итальянец навел объектив на загадочное судно и несколько раз нажал на кнопку.

Серия ярких белых вспышек разорвала ночную темноту.

Часовой на верхней палубе черного корабля среагировал мгновенно. Поймав в объектив оптического прицела винтовки последнюю вспышку, он плавно нажал на спусковой крючок.

Часть первая

– Что за дело?

– Настолько серьёзное, что разумнее
держаться от него подальше.

Телесериал «Шерлок»

– А выспался я просто душевно! – произнес Виктор Манн, потягиваясь и жмуря глаза, словно кот.

Он уже добрых десять минут сидел за столиком на нижней террасе виллы «Афродита» в ожидании своего друга Алекса, кофе и свежей выпечки.

– Давненько я так не выспался! – продолжил генерал. – Все сны, сны... Да у тебя тут просто рай на земле! – улыбнулся он спустившемуся по лестнице на террасу подтянутому серо-глазому брюнету лет сорока в легком летнем костюме.

Веранда утопала в густой тени от виноградной лозы, что обвила решетку потолка. Лозе было много лет, и она охватила деревянные рейки так плотно, что сквозь заросли лишь едва-едва проглядывало голубое небо; зато крупные, налитые соком, тяжелые гроздья ассир-тико, винограда зеленовато-желтого цвета с розоватым отливом, свешивались вниз, радуя взор и хозяина виллы, и всех ее постояльцев. И не только взор, ведь и на вкус виноград был просто восхитителен!

Время от времени главный садовник виллы старик Христос и повар Петрос приносили небольшую лесенку, повар держал плетеную корзину, а садовник, взобравшись на верхнюю ступеньку лестницы, острыми садовыми ножницами осторожно срезал те гроздья, которые казались ему созревшими, и аккуратно передавал их повару, а тот бережно укладывал их в корзину.

Уже на завтраке этот виноград, вымытый и разделенный на гроздья поменьше – для удобства, появлялся на столах постояльцев.

– Завидую, – буркнул Александр Смолев, владелец виллы, присаживаясь рядом со своим другом за хозяйский столик. Вид у владельца был хмурый и недовольный. – Выспался он! Меня же в восемь утра подняла по телефону Катерина – администратор с ресепшн – и решила, понимаешь ли, доложить мне в деталях, как всегда по понедельникам, кто у нас поселился и в какой номер! Ты ее знаешь! Она, конечно, человек ответственный, но говорит быстрее, чем я успеваю вставить слово! Пять минут вещала, прежде чем поняла, что что-то не так!.. До чего беспокойный характер! Я едва сдержался, чтобы спросонья не выбросить телефон с балкона... Одно удержало: прохожие не виноваты. Пришлось выслушать до конца. Иначе бы она перезвонила уже через десять минут! В любом случае, это было крайне неосмотрительно с ее стороны. Особенно, если учесть, что я лег накануне в два часа ночи, а заснул, дай Бог, под утро!

Смолев широко зевнул, прикрыв рот ладонью, и энергично потряс головой.

Официантка Артеми – молодая улыбчивая гречанка в белой блузке и темной юбке с голубым передником – принесла им большой кофейник с дымящимся ароматным напитком, поставила на стол молочник, сахарницу, масленку и большое блюдо с горячими хрустящими круасанами, что повар Петрос пять минут назад как вынул из печи.

Придирчиво осмотрев хозяйский стол, девушка всплеснула руками и быстрой серной унеслась вверх на кухню. И через мгновение она вынесла небольшой поднос, весь уставленный мисочками и пиалами с «глико куталью» – местным островным вареньем, которое каждую неделю готовила помощница Петроса – Василика, женщина, знавшая огромное количество старых рецептов. Все молодые официантки и горничные ласково называли ее «йайя» – «бабушка».

«Варенье от бабушки» теперь стало узнаваемым коронным знаком завтраков на вилле «Афродита».

Артеми расставила чашечки с вареньем перед друзьями на столе, ослепительно улыбнулась и отошла к другим столикам.

Народ постепенно наполнял террасу.

Смолев, не выдержав, зачерпнул небольшой ложечкой из каждой пиалы на пробу: на этой неделе варенье из айвы, абрикосов, слив и темного винограда из долины. Вкусно, что тут скажешь!..

Виктор Манн, не теряя времени, разлил по кружкам дымящийся кофе и придвинул товарищу. Металлическими щипцами генерал осторожно подцепил верхний круассан и положил себе в тарелку.

– Выпей вот, сразу полегчает, – предложил он, указывая на кофе. – Тебе молока? Как обычно?

– Да, молока, спасибо! – недовольно пробурчал невыспавшийся Смолев. – Черт знает что! Почему я сам должен принимать доклад с утра? Ты же мне говорил, что я хозяин, значит – эксплуататор! Где это видано, чтобы будить эксплуататора ни свет ни заря? Еще немного, и я взбунтуюсь! Где носит Рыжую? Она у меня управляющая или где? Что за разгильдяйство? Ты лей молоко-то, лей! Не жмись! И сахару две ложки! Или даже три! Я требую компенсации!

– Ладно, ладно, не бурчи! Зная Рыжую, уверен, что дело важное, раз ее нет. Придет – расскажет! – примирительно произнес Манн, придвигая сахарницу к другу поближе и с улыбкой наблюдая за ним.

Через пару месяцев будет год, как Александр Владимирович Смолев – для друзей просто и коротко «Алекс» – переехал из любимого им Санкт-Петербурга на один из прекраснейших островов Кикладского архипелага – остров Наксос.

Врачи настоятельно порекомендовали ему сменить балтийский сырой климат на средиземноморский – старые ранения давали себя знать время от времени. Тем не менее, в Петербург он старался наведываться регулярно, раз в два-три месяца. Без этого города и друзей, что там остались, он бы не смог. Но и остаться в нем насовсем уже не мог тоже: став на Наксосу владельцем небольшой виллы, таверны, виноградника и двух старых лодок, он взвалил на себя кучу хлопот и обязательств перед небольшим, но замечательным коллективом, состоявшим из местных греков и управляющей Рыжей Софьи – его соотечественницы. Теперь он был за них в ответе.

Впрочем, его все вполне устраивало: и остров, и погода, и вилла «Афродита», и даже то, что время от времени ему приходилось помогать своему другу и бывшему сослуживцу Виктору Манну в раскрытии загадочных происшествий. А скоро еще он сможет выйти в море на своей лодке!

Наконец-то ремонт был завершен, и старый Никос подтвердил, что лодка готова: дизель перебрал моторист с «Афины», корпус отремонтирован и покрашен, новое навигационное оборудование пришло и установлено. Осталось в торжественной обстановке спустить лодку на воду!

Стефания обещала приехать на праздник; Смолев очень надеялся, что дела благотворительного Фонда, которым она так эффективно управляла, дадут ей такую возможность. Алекс улыбнулся и, примирившись с действительностью, принялся за кофе.

От генерала Интерпола не укрылась перемена настроения его друга к лучшему. Можно было завтракать. Предстоял сложный разговор, но он подождет.

Обмакнув горячий круассан в кофе и отправив его в рот, Виктор стал жевать, зажмурив глаза от удовольствия. Расправившись с одним круассаном, он взял следующий и на этот раз густо намазал его апельсиновым джемом. Генерал давно понял, что жизнь состоит из малень-

ких радостей и больших проблем, и если есть неизбежное второе, то нет смысла отказываться от первого.

– Кстати, – произнес Виктор, ловко орудуя чайной ложечкой в баночке с джемом, – это даже удачно, что она тебе все рассказала. Вот что, выпей-ка кофе, приходи в себя и поделись со мной, кто есть кто у нас на вилле.

– В каком смысле? – не понял Смолев. Он еще не вполне проснулся.

– Да в самом прямом, – предложил генерал Интерпола. – Давай с тобой еще раз пробежимся по жильцам. Что изменилось за последние три дня?

– В том то и дело, – недоуменно пожав плечами, ответил Смолев, – что ничего принципиально не изменилось. Суди сам! Номер первый – за Мишелем Готье, представителем французского Коньячного Дома Готье. Они с младшим Аманатидисом несколько дней гостили у Спанидисов на винодельне. Сегодня должны вернуться. Молодой приятный парень, лет тридцати пяти. Безукоризненные манеры. Похоже, что свое дело знает отменно. Собирает по заданию отца «новые идеи» для своего бизнеса. Думаю, что привезет с собой пару ящиков лучшего вина из запасов старого Иоанниса.

– С этим ясно! – кивнул Манн. – Насчет второго номера тоже: там, насколько я помню, отдыхает мой соотечественник герр Фридрих Штаубе, не так ли? Он нам сильно помог в последнем деле.

– Совершенно верно, – подтвердил Смолев. – Номер оплачен еще на неделю вперед. В третьем номере – семья Бэрроу. Лили с маленькой Кристиной на острове, а Джеймса вызвали в Афины третьего дня по поводу передачи в его ведение археологического музея на Наксосе, вернется послезавтра. Четвертый номер – молодые американцы Джош и Мэрилин Хьюстон; ну, их целыми днями не видеть – спортсмены: кайт, виндсерфинг. Соня их хвалит, говорит, что первый раз видит американцев, которые совсем не похожи на американцев!

– Что так? – заинтересовался Манн, принимаясь за третий круассан и подливая себе кофе. – В чем дело?

– Думаю, она имеет в виду, что ребята воспитанные, скромные, тихие. Не требуют ни гамбургеров, ни кетчупа к любому блюду.

– Ну-ну, – проговорил вполголоса Манн. – Тихие, говоришь, американцы... Ладно, поглядим!

– А в чем дело-то? Может, объяснишь? – напрягся Алекс. – Что за намеки?³

– Непременно, – подтвердил Манн. – Но чуть позже. Кто еще?

– Пятый номер освободился, когда Паоло Буджардини уехал в Рим. Пришлось немного отремонтировать потолок после того, как он шарахнул в него из лупары. Номер был оплачен еще за неделю вперед, мы хотели вернуть итальянцу деньги, но тот отказался наотрез. Сказал, что он жизнью обязан. Ну, и за потолок, само собой...

– Еще бы! – хмыкнул Манн. – Вы кого-то поселили?

– Послезавтра в него въезжает семейная пара из Болгарии. Тодор и Лиляна Стояновы. Обоим крепко за пятьдесят. Он профессор государственного университета в Софии, она, судя по анкете, домохозяйка. Приедут на две недели.

– Болгары, говоришь? – задумчиво качнул головой Манн. – Профессор? А каких наук он профессор?

– Да кто ж его знает, – улыбнулся Алекс. – Приедет – спросим! А тебе принципиально?

– Может быть, может быть... Кто дальше?

³ «Тихий американец» – шпионский роман английского писателя Грэма Грина. «Тихий американец» Пайл является на самом деле агентом спецслужб США и активным организатором всех грязных политических провокаций в Сайгоне (прим. автора)

– В шестом номере пока по-прежнему семейная пара из Португалии, Мария Лусия и Луиш Жилберту. Очень тебе благодарны за поездку на твоей яхте до Санторини и обратно. Грозит выслать из Португалии пару бочонков Амонтильядо. Через три дня отправляются на Крит на недельку, а оттуда уже на родину. Ждите, говорит, к концу месяца посылку!

– Прекрасно, поделим по-братски! Кто в седьмом? Насколько я помню, мастер Ямада Таро уехал вчера? Нет?

– Все верно, он вернулся в Японию. Через две недели ждем возвращение Фудзивары-сен-сея; у него здесь в Додзе серия семинаров, он пробудет целый месяц. До его приезда номер пока свободен. В восьмом никого нет, заканчиваем перепланировку. С большой галереей – все. По малой: в девятом студенты Джеймса Бэрроу – Алфред Сمارт и Пенелопа Закинотиоти. Ученая молодежь... Джеймс им поставил задачу, все дни пропадают в музее: готовят коллекцию к экспозиции. Десятый номер пока пуст. Ну, а в одиннадцатом твои головорезы из Моссад, израильтяне!

– Они хоть и из Моссад, но не дуболомы-головорезы, а отличные спецы по... Впрочем, неважно! – задумчиво кивнул генерал. – В общем и целом ситуация ясна. Кстати, ты прости, что я тебя не предупредил насчет израильтян, они здесь, как ты уже понял, по моему приглашению.

– Да уж я догадался, – проговорил Смолев, непроизвольно потирая затылок, которым его приложил об пол старший израильской команды – Леонид Меламед, когда Смолев без предупреждения вошел в их номер три дня назад. – Ребята боевые, но уж лучше на будущее ты предупреждай!

– Непременно! – пообещал Манн. – Итак, какие номера у тебя не заняты?

– Шестой освобождается через три дня, седьмой свободен, восьмой – тоже, там ремонт, но если надо – сможем использовать, ну и десятый пуст!

– В общем, так, Саша, как и обещал, – после короткого раздумья произнес глава Национального Бюро Интерпола Греческой Республики, – предупреждаю! С сегодняшнего дня все эти три номера, кроме восьмого, он нам самим пригодится, у тебя забронировал Интерпол. Минимум на две недели, а то и месяц. И оплатим по прейскуранту, как за «высокий сезон», чтобы София не переживала как управляющая. Может сегодня же выставить все счета на предоплату.

– Да ради Бога, – пожал плечами Смолев, внимательно слушая своего друга. – Счета выставить – дело-то минутное, но зачем они тебе? Ты перевозишь ко мне офис из Афин?

– Не совсем... В общем, так: номера бронирует и оплатит Интерпол. Но! Если к тебе обратятся на ресепшн люди, которые будут, скажем так, соответствовать описанию, – мы это описание твоей девочке положим перед глазами – то номер им нужно будет сдать! И оплату возьмете. Понимаешь?

– Нет, – честно признался Смолев. – Не понимаю ни черта! Можешь человеческим языком объяснить, кого ты ищешь?

– Не «кого», а что! – хмуро ответил Манн.

Еще совсем недавно расслабленное лицо его напряглось, на широком загорелом лбу вздулась вена. Генерал раздраженно бросил ложечку на скатерть и забарабанил пальцами по поверхности стола.

Смолеву это совсем не понравилось.

– Хорошо, что?

– Ядерную бомбу, Саша. Небольшую. Но от этого, сам понимаешь, не легче... Пять кило-тонн в тротиловом эквиваленте. Вернее, американскую крылатую ракету с ядерной боеголовкой. Эй-Джи-Эм 86 Аль-Кам, если тебе это о чем-то говорит. ⁴Три недели назад, как нам уда-

⁴ AGM-86 ALCM (англ. Air Launched Cruise Missile, произносится «Аль-кам») – американская крылатая ракета класса

лось выяснить в прошлую среду, с военной базы Инджирлик, той самой, что на территории Турции, взлетел американский бомбардировщик Боинг В-52 «Стратофортресс», следовавший на авиационную базу НАТО в Виченце. Та еще рухлядь... Но об этом потом. По непонятным причинам вместо крылатых ракет с обычным вооружением его на базе снарядили ядерными. Кто, как и почему – ничего не ясно! Сейчас следствие в самом разгаре. Но и не в этом суть. Пролетая над Кикладами, он, снова по непонятным причинам, доложил о неисправности. Произошел самопроизвольный частичный сброс боекомплекта, того, что был на подвесных пилонах. В радиусе ста километров от Наксоса. Из сброшенных двух одну нашли. Вторую – ищут.

– «Сломанная стрела»?⁵ – ошеломленно уточнил Смолев, не веря собственным ушам. – Здесь, у нас? На Кикладах?

– Она самая! – подтвердил Манн. – Термоядерная боевая часть весьма компактна: небольшой цилиндр, в длину – сантиметров семьдесят и сантиметров тридцать – сорок в диаметре. Весит всего сто тридцать килограммов. Два человека способны унести. Можно легко увезти на машине, на катере, гидросамолете. Так что, сам понимаешь!..

– Т-твою ж дивизию! – отвел душу Смолев. – Какие же они кретины! Какие кретины!..

– Вот именно! – мрачно подытожил Манн. – Еще кофе?

Алекс неловко двинул рукой и случайно задел чашку с недопитым кофе. Она опрокинулась, пролив жидкость на белоснежную скатерть. Смолев, чертыхаясь, быстро поднял чашку и поставил на блюдце.

В этот момент ему показалось, что темное пятно на скатерти что-то ему сильно напоминает. Гриб ядерного взрыва, вдруг понял он, похолодев. Чушь, чепуха! Что за суеверия! Не хватало еще гадать на кофейной гуще!

Алекс поднял глаза на друга и догадался без слов, что и тот увидел то же самое.

«воздух – земля», разработана корпорацией Боинг. Дозвуковая крылатая ракета с термоядерной боевой частью W80 переменной мощности от 5 до 150 килотонн тротилового эквивалента (прим. автора).

⁵ кодовое название операции НАТО и США по поиску потерянного ядерного оружия (прим. автора)

Часть вторая

Отправляясь на бал жизни, выберите себе подходящую маску.
Андре Морюа

После завтрака друзья поднялись на самую верхнюю точку виллы «Афродита» – в уютную хозяйскую башенку, где у Смолева находился рабочий кабинет. Они уселись в удобные кресла и какое-то время молчали, думая каждый о своем.

Наконец Манн нарушил молчание.

– Понимаешь, самое паршивое то, что для спецслужб вся эта история уже давно не является чем-то особенным. Со времен создания ядерного оружия военные разных стран умудрялись терять его десятки раз. Десятки! Иногда его находили, иногда оно исчезало бесследно.

– Ради всего святого, Витя! Как может ядерное оружие «исчезнуть бесследно»? – возмущился Смолев, яростно растирая занывший, как всегда в минуты волнения, старый шрам на левом виске. – Отказываюсь в это поверить! А инструкции, протоколы безопасности, системы слежения, поисковые операции, наконец?

– А-а-а!.. – с досадой махнул рукой генерал. – Да сколько угодно! Ты удивишься, но по самым скромным подсчетам, на сегодняшний день только на морском дне, с учетом упавших в море бомбардировщиков с полным вооружением и затонувших подлодок, находится более полусотни ядерных зарядов различной мощности! Да, да, на дне! Посейдон, или, по-нашему, царь морской, существуй он на самом деле, сейчас был бы очень влиятельным политиком! У него там и бомбы, и торпеды с ядерными боезарядами, и крылатые ракеты, и даже баллистические! И США, и СССР, и страны НАТО ему в этом от души помогли... У нас по всем таким случаям полное досье, хотя военные и саботируют предоставление достоверной информации, как могут. Сволочи!.. Но нам без информации нельзя; представляешь: сколько вокруг интересантов получить действующий ядерный заряд? Только военным на это наплевать, у них этих зарядов тысячи. Получается заколдованный круг. Они теряют, а я ищи потом тех, кто захотел прибрать потерянное к рукам! Я тебе сейчас прочту кое-что, вот послушай! Мне помощники сделали подборку специально по Боингу B52. Может, это натолкнет нас на какую-то мысль...

Манн достал из кармана и открыл айпад-мини в кожаном чехле, быстро пробежался пальцами по экрану и открыл нужный файл.

– Ага, нашел. Слушай! Двадцать четвертого января тысяча девятьсот шестьдесят первого года B-52G с двумя термоядерными бомбами на борту потерпел крушение недалеко от города Голдсборо в Северной Каролине, США. При попытке провести дозаправку оборудование самолета вышло из строя, и он начал разрушаться уже в воздухе. Экипаж, кроме двух человек, покинул самолет после того, как пилот доложил, что он потерял управление и больше не контролирует машину. Термоядерные бомбы отделились от разрушающегося самолёта на высотах между тремя тысячами и тысячей метров, у одной из бомб раскрылся парашют и она приземлилась практически неповреждённой.

Генерал, отвлекся от чтения, налил себе в стакан воды и произнес, глядя на Алекса, у которого от услышанного давно уже волосы шевелились на голове:

– Саша, только представь! Она не рванула чудом! Если бы рванула, – прощай Восточное побережье! По мощности бомба была в двести пятьдесят раз мощнее тех, первых, что взорвали в Хиросиме и Нагасаки. Вашингтон, Балтимор и Филадельфия стали бы воспоминанием... Я к Америке отношусь не лучшим образом, но люди-то при чем? Именно эта бомба находилась в полном боевом снаряжении. В секретном докладе, к которому мы получили доступ, указано, что у бомбы отключились три из четырёх предохранительных устройств, приводя бомбу

в боевую готовность. Знаешь, почему она не взорвалась? Ни за что не угадаешь! Последний предохранитель – один из четырех – сработал. Низковольтный переключатель! Представляешь, на каком волоске все держалось?

– А что вторая? – угрюмо уточнил Смолев.

Господи, подумал он, неужели я не сплю и это все наяву?

– Вторая бомба упала в болото и разрушилась, обломки ушли в грунт на значительную глубину. Участок был выкуплен ВВС США. Пытались копать, но грунтовые воды помешали им извлечь ядерный заряд. Теперь там секретный объект... Так, пойдем дальше!

Генерал пролистал пальцем несколько электронных страниц.

– Через каких-то два месяца, четырнадцатого марта тысяча девятьсот шестьдесят первого года В-52F снова с двумя термоядерными бомбами на борту потерпел крушение недалеко от города Юба в Калифорнии. Внезапная разгерметизация кабины пилотов вынудила летчиков снизиться до высоты в три тысячи метров, чтобы экипаж смог нормально дышать. Из-за низкой высоты и невозможности дозаправиться в воздухе запасы горючего были исчерпаны задолго до аэродрома. Командир приказал экипажу катапультироваться, сам при этом уводил бомбардировщик как можно дальше от жилых районов. На высоте в тысячу двести метров катапультировался и он, а самолет рухнул в тридцати километрах от города Юба. При ударе о землю термоядерные бомбы были выброшены из обломков самолёта, но защитные устройства бомб предотвратили взрыв, – радиоактивного заражения местности не произошло. Снова повезло!.. Дальше читать? – поинтересовался он у Смолева. – Это только начало!

– Читай, – кивнул Алекс.

– Ну тогда слушай! История, как говорится, леденящая кровь... Семнадцатого января тысяча девятьсот шестьдесят шестого года В-52 столкнулся над Испанией с самолётом-заправщиком КС-135. Погибло семь человек. На борту самолёта находилось уже четыре термоядерных авиабомбы; три из них были найдены сразу же, одна – после двухмесячных поисков. Эта история нам ближе: бомба упала в море. Две бомбы, упавшие на сушу неподалеку от деревеньки Паломарес, разрушились, вызвав радиационное заражение местности: произошла детонация обычного заряда – и взрывами радиоактивное вещество разнесло на два квадратных километра. Одна бомба из четырех осталась практически целой, а вот последняя – пропала в море.

– Ее же нашли?

– Да, но лишь через два месяца. У нее раскрылся парашют, и ее действительно отнесло в море, где она и затонула, опустившись на грунт рядом с глубокой расселиной на глубине около семисот метров. Местный рыбак Франсиско Симо Ортс заявил, что видел, как практически над его головой в небе раскрылись два огромных парашютных купола, и металлическое сигарообразное тело ушло под воду, утащив за собой и парашюты.

– То есть, был непосредственный свидетель?

– Да, и история всплыла, как говорится, на поверхность. Замолчать ее не удалось. Властям пришлось привлечь к поискам ВМС США. Ну, а те уже действовали показательно, с американским размахом: эскадра из тридцати четырех судов, три тысячи моряков, большое количество водолазов и аквалангистов, два подводных аппарата. Вся королевская конница, понимаешь, вся королевская рать!.. Клоуны! Даже таким количеством они ее искали очень долго. Рыбак указал примерное место падения бомбы, но нашли ее не сразу, а лишь через два месяца; наконец, в километре от того места, что указал Франсиско, обнаружили след на дне – глубокую колею, словно бомбу тащило по дну мощное течение, используя парашюты как парус. Бомба чудом не упала в разлом глубиной в полтора километра, застряв на его склоне. Отсюда только с пятой попытки ее и подняли, загубив два подводных аппарата и едва не угробив экипаж одного из них. Американцы остались верны себе, и даже из этого происшествия сделали шоу: на следующий день на палубу корабля допустили более ста журналистов и фотографов,

представлявших различные СМИ; генералы и адмиралы фотографировались на фоне найденной бомбы, всячески пытаясь доказать всему миру, что они могут справиться с любой ситуацией. Но это не сильно им помогло. Никто не поверил.

– Был скандал?

– Еще какой! Кому понравится, когда твой союзник швыряет тебе с неба на голову ядерные бомбы... В досье говорится, что «катастрофа привела к серьёзному дипломатическому кризису и к прекращению полётов американских бомбардировщиков с ядерным оружием над Европой и Средиземноморьем», однако окончательно такие полёты были прекращены только через два года, после ещё одной подобной катастрофы – над базой Туле в Гренландии.

– А в Гренландии-то что случилось?

– Сейчас найду, – проговорил генерал Манн, быстро листая электронные страницы досье. – Вот, нашел, пожалуйста! Опять наш «замечательный» бомбардировщик. Так, читаю: «Двадцать первого января тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года вылетевший с авиабазы в городе Платтсбург (штат Нью-Йорк) самолёт В-52 в двадцать один час сорок минут по средневропейскому времени, загорелся и, потеряв управление, врезался в ледяной панцирь залива Северная Звезда в Гренландии, в пятнадцати километрах от авиабазы ВВС США Туле. На борту самолёта находились четыре термоядерных авиабомбы. По некоторым сведениям, одна бомба потеряна». Вот такие пироги!

– Подробности есть?

– Да, масса, – ответил генерал, мельком взглянув на часы. – Дело было рассекречено только в девяносто пятом. Би-би-си даже проводило независимое расследование. Насколько я помню, причиной возгорания была какая-то глупость: один из пилотов заткнул отопительную вентиляцию под сиденьем в кабине поролоновой подушкой, и она загорелась. Еще через полчаса, когда от дыма уже не было видно приборов, командир приказал прыгать, а самолет, потеряв управление без экипажа, разбился практически рядом с базой. Я же говорю: клоуны! И еще десятка два таких случаев, вплоть до наших дней. То бомбу уронят, то боеголовки потеряют, то крылатая ракета в море упадет... Я тебе оставляю айпад, считаешь вечером, тебе будет полезно. Время к полудню, а у меня в час важная встреча с военными. Надо разобраться, что они предприняли по поискам. Пока все держат в полном секрете, этот полет – просто вопиющее нарушение всех международных соглашений. Давай сейчас обсудим более срочные дела, а именно: чем ты можешь помочь Интерполу!

– Как обычно, – улыбнулся Смолев, параллельно листая айпад генерала. – Всем, чем могу. Командуй!

– Ну-ну... Когда последний раз ты вальсировал? Или танцевал танго? Ты помнишь еще, как это делается?

– В смысле? – от удивления Смолев даже выпустил айпад из рук. Тот глухо стукнул по полированной столешнице.

К чему это он, подумал Алекс. Вальс?! Танго? Это было в прошлой жизни...

– В смысле – вальс, танго, фокстрот? Что еще танцуют на приемах высшего света? – хитро прищурился Манн. – У нас впереди светский раут через три дня в отеле «Royal Paros Resort & Spa». Обещают много красивых женщин в вечерних платьях, мужчин в смокингах, танго, шампанское, икру и прочие деликатесы. Симфонический оркестр, оперные дивы! Со всех островов съедутся на вечеринку. Шумный островок этот Парос, твой гораздо спокойнее, кстати сказать!.. А еще будут гости, которые нас очень интересуют. Дело в том, что по агентурным данным, Саша, на Парос скоро придут покупатели, понимаешь?

– Даже так? Неужели бомбу нашли?

– Не исключено. Мой агент на Паросе вышел на связь вчера, передал кратко: «Аукцион».

– И что это значит?

– Вот это мы с тобой и должны выяснить. Чем, ты думаешь, я последние три дня занимался? Как раз работал со списком гостей. И мы с тобой его обсудим в деталях. Там есть очень интересные персонажи! Но это вечером! Нам еще легенду тебе придумывать, так сказать, маску на бал-маскарад. Мою-то бритую голову, – ответил генерал и звучно похлопал себя по затылку, – каждая вторая собака знает! Пришлось, понимаешь, на экране помелькать. И теперь особенно не пошифруешься. Ты – дело другое. Решим с тобой, кто ты будешь, продавец или покупатель... А сейчас я убегаю, к обеду меня не жди, – генерал поднялся и направился к выходу.

– Постой, Витя, – вдруг растерянно сообразил Алекс. – Но у меня нет смокинга, как я поеду? Бал через три дня! В прокате наверняка уже все разобрали! Раньше ты не мог сказать? Мне нечего надеть!

– Прямо Золушка! – иронически хмыкнул Манн, похлопав друга по плечу. – Что-то мне подсказывает...

В этот момент в дверь кабинета постучали, дверь приотворилась – и просунулась ярко-рыжая голова управляющей виллой.

– Босс, можно? – после чего, не дожидаясь ответа, Рыжая Соня протиснулась в приоткрытую дверь целиком, бережно прижимая к себе три темных чехла с какой-то одеждой. Смолев сразу заметил, как радостно сверкают ее глаза. – Я немного опоздала: пришлось ждать афинский паром из Пирея. Он из-за шторма на два часа позже прибыл! А еще курьер из афинского ателье вышел с паромом последним! Боялся, говорит, что в толпе все помнется. А коробки с обувью я оставила в гостиной, там все размеры!

– А вот и наша фея-крестная! – басовито хохотнул Манн и закончил ранее начатую фразу: – Что-то мне подсказывает, что без смокингов мы с тобой не останемся!

– Ясно, – с облегчением выдохнул Смолев. – Снова спелись за моей спиной. И когда только успеваете, заговорщики? Так, Рыжая, ты мне еще за мой нарушенный утренний сон ответишь... Хотя, постой! А почему три чехла? Кому третий смокинг?

– Это платье, для меня! Бал ведь, дядя Саша! Танцы! – восторженно произнесла Соня. – Я же тоже иду! Потанцуешь там со мной? Дядя Витя сказал, ты отлично танцуешь аргентинское танго! Порепетируем сегодня в Додзе?

Манн, пряча улыбку, сделал вид, что ничего не слышал, и быстро покинул комнату.

Смолев потерял дар речи.

Часть третья

*To strive, to seek, to find, and not to yield.
Бороться и искать, найти и не сдаваться.
Альфред Теннисон, поэма «Улисс».*

Из «Ядерного досье» Интерпола:

«10 марта 1956 года. Средиземное море.

Бомбардировщик В-47 США с двумя ядерными бомбами на борту исчез во время полета. Он совершил беспосадочный перелет с авиабазы ВВС США во Флориде на неизвестную заграничную базу.

Были намечены две дозаправки топливом в воздухе. Первая прошла успешно, но со вторым самолетом-дозаправщиком бомбардировщик так и не вступил в контакт над Средиземным морем, как было предусмотрено планом полета. Несмотря на тщательные и обширные по площади поисковые работы, никаких следов самолета, ядерного оружия или экипажа найдено не было...»

Над древним островом Наксос с его горным хребтом, зелеными тенистыми рощами оливковых деревьев, виноградниками на склонах гор, небольшими деревеньками, щедро рассыпавшими белоснежные кубики домов в плодородных долинах, солнце, стоявшее, по ощущениям жителей, в зените почти целый день, незаметно миновало самую высокую точку – прямо над вершиной горы Зевс – и теперь неспешно клонилось к западу.

Традиционная дневная «сиеста» в тавернах и ресторанах закончилась, – они снова были готовы принять и накормить посетителей: на кухнях повара уже гремели сковородами и крышками огромных жаровен; потянуло дымком от мангала, ароматами истекающих соком на углях шашлычков-«сувлаки» из свинины и ягнятины, нежнейшего «росто» – приготовленного в винном бульоне с множеством пряных специй петуха – фирменного блюда местных поваров и потушенной до нежнейшего состояния с томатами, лавровым листом и перцем, тающей во рту говядины – «стифадо», что традиционно подавалась гостю на стол в огромной тарелке с маленькими маринованными луковичками и щедрой – с горкой – порцией островных макарон в густой мясной подливке.

Впереди был целый вечер и добрая половина ночи – поэтому у поваров в тавернах не было ни минуты отдыха. Наступало время мяса: молодая баранина и козлятина, замаринованные в пахучих травах с утра, теперь нанизывались поварами на острые металлические вертела, которые расставлялись вокруг жарких очагов.

К вечеру, часа через три-четыре, когда солнце почти скроется за горным хребтом, еще дымящееся жаркое подадут на стол дорогим гостям вместе с кувшином красного вина и поджаренными на гриле овощами, политыми оливковым маслом и посыпанными мелко нарубленным чесноком.

Все эти ароматы, которые, смешиваясь с солеными запахами моря, цветущих олеандров и левкоев, формировали умиротворяющую и расслабляющую ауру острова, на котором никуда не хотелось спешить и о чем-либо беспокоиться...

Но в просторной гостиной хозяйского дома на вилле «Афродита», которую владелец превратил в штаб грядущей кампании, где за массивным деревянным столом, заваленным картами, схемами, морскими лоциями и какими-то чертежами, склонив головы, сидели несколько мужчин с сумрачными лицами, царила совсем другая обстановка – напряженная и тревожная.

– Меламед, что вы как воды в рот набрали? – мрачно пробасил по-русски плотно сбитый крепыш с совершенно лысой головой.

Он нервно барабанил короткими сильными пальцами по полированной столешнице. По всему было видно, что он расстроен.

– Ладно, сначала я...

Генерал высказался первым. Он говорил полчаса, и из его доклада Смолев понял, что ситуация и в самом деле хуже некуда: боевая часть ракеты потеряна и может обнаружиться где угодно; основная задача – не допустить того, чтобы оружие попало в руки радикальных фундаменталистов и террористов разных мастей.

– Пока мы далеки от того, чтобы контролировать ситуацию, – подытожил Манн. – Но наша агентура активно работает, отслеживая любое упоминание о бомбе. Первая информация начинает поступать. Надеюсь, что скоро будем иметь более ясное представление о происхождении. Тогда сможем разыграть эту карту с «покупкой-продажей». Это наш единственный шанс, если не обнаружим бомбу раньше сами. Думаю, что не зря на бал съезжается такое количество представителей различных политических и военных группировок. Но о них позже. Теперь ваша очередь, Меламед! Да не вставайте вы, – махнул генерал рукой, – не вставайте! Расскажите, насколько у нас все плохо?

– Похвастаться пока особо нечем, господин генерал! – нехотя согласился с главой Бюро Интерпола спортивного вида загорелый молодой человек лет тридцати, с выправкой, которая сразу выдавала в нем военного. Он сидел прямо, положив перед собой на стол тяжелые мускулистые руки.

– Коэн и Левин, – указал он на сидевших рядом своих помощников, – уже почти неделю – каждый день с утра отрабатывают возможных свидетелей: рыбаков и яхтсменов в порту. Мы надеялись, что кто-то из них мог быть в тот день в том самом квадрате, который указан американцами как возможное место падения «объекта». Но пока – ничего!.. Коэн, доложите кратко!

– Да, никто ничего не видел, – негромко подтвердил второй израильтянин; третий просто молча кивнул. – Приходилось расспрашивать очень аккуратно, сами понимаете. Но ничего необычного или странного никто не заметил. Особая надежда была на рыбаков, но в этом квадрате – он, потянувшись к столу, ткнул пальцем в морскую карту, развернутую на столе – сплошные «банки», то есть, мели. Рыбаки там бывают редко: им там делать нечего, только сети рвать. Разве что ловцы омаров ставят ловушки. С Наксоса туда мало кто ходит. Все, кого опросили, – в один голос: «ничего не видели, ничего не знаем!» Планируем завтра перебраться на Парос и там пообщаться с местными жителями.

– Я сам все эти дни отработал в серфинг-клубе, – продолжил Меламед, когда его подчиненный закончил. – Проверил все по журналам, переговорил с администрацией и инструкторами. В тот день был отличный ветер, и на воду вышли больше сорока человек. С половиной

из их числа мне удалось переговорить, но часть уже покинула остров за последние четыре дня. Здесь я бессилён. С оставшимися спортсменами ещё переговорю за сегодня-завтра.

– Результаты? Я понимаю, что и ваши разговоры ничего не дали?

– Нет, господин генерал. По крайней мере, из опрошенных мною также никто не видел «ничего странного или необычного» в тот день.

– Плохо, очень плохо! А свидетель нам нужен – кровь из носу! – покачал головой генерал Манн, разворачиваясь всем корпусом к Смолеву, сидевшему справа и внимательно слушавшему отчеты израильтян. – Саша, мысли есть?

– Есть вопрос, – помедлив, подключился к беседе Алекс. – Вы мне объясните, почему тут ещё нет целой эскадры, которая ведет поиски упавшей ракеты? Где водолазы, аквалангисты, где батискафы, или как там они называются, черт бы их подрал? Где это все? Почему этим вопросом занимаются Интерпол и израильские спецслужбы? И то, насколько я понимаю, – он бросил быстрый взгляд на команду израильтян, мрачно смотревших в стол, – занимаются тайно?

– Саша, американские ВВС официально не признали эту аварию. Пока, во всяком случае, – растерев рукой лоб и утомленно прикрыв глаза, ответил генерал. – Это их постоянная практика. Во-первых, изначально планом полета ядерное оружие на борту бомбардировщика не было предусмотрено, – это раз. Это было бы нарушением международных договоренностей и колоссальным ударом по престижу ВВС. То, что его все же подвесили на пилон, – или очередная халатность, или обычный для американских ВВС идиотизм, в чем они никогда сами добровольно не признаются, – это два!

– А если это хорошо спланированная и организованная диверсия? Сколько можно все списывать на идиотизм? Может, не все так просто, как кажется?

– А это – три, – согласился генерал. – Вот они сейчас там у себя этим и заняты: землю роют, что твой бульдозер! Пытаются понять в чем дело. На базе Инджирлик несколько тысяч американских и британских военнослужащих, более ста ядерных зарядов на складах. Конечно, они хотят выяснить, как ракета с ядерной боеголовкой вдруг попала на пилон к бомбардировщику, следующему в Италию! Это ещё итальянцы не в курсе, что до них, слава Богу, не дотелело! Вот подарочек бы был!.. Конечно, американцы хотят все выяснить. Но никакой огласки не допустят, причины надо объяснять?

– Не надо, не дурак, – мрачно ответил Смолев, наливая себе в стакан воды. – Сам догадуюсь: база Инджирлик – в шестидесяти километрах от моря и в ста километрах от границы с Сирией, где уже второй год черти что творится... Если американцы признают, что на территории Турции они не контролируют собственное ядерное оружие в опасной близости от курдов, ИГИЛ,⁶ практически на побережье, откуда оно может легко через Средиземное море попасть в любую точку планеты, – и базу можно закрывать! В Турции тоже котел кипит, – не дай Бог, его прорвет!

– Ну, вот ты и сам все понимаешь. Поэтому никаких официальных поисков не будет. Но это не значит, что они не ведутся. Ведутся уже четвертый день и очень интенсивно!

– Кто ведет поиски? – уточнил Алекс.

На душе у него стало немного спокойней: значит, все-таки не бездействуют!

– Две специально подготовленные команды греческих водолазов, оснащенные по последнему слову техники. Действия согласованы с ВВС. Координируют свои действия с Интерполом через моего зама, майора Петриди, ты его помнишь. Вот в этих квадратах, – генерал очертил пальцем круг на карте. – Там есть все: и подводные аппараты, и необходимое оборудование. Только поздно они начали! Есть у меня предчувствие, что дело это тухлое!

⁶ (самопровозглашенное террористическое «Исламское государство», деятельность которого запрещена в Российской Федерации)

– В смысле?

– Ничего не найдут! – отрицательно покачал головой Манн. – Ни черта! Поздно спохватились!

Он дотянулся рукой до стакана, стоявшего перед Смолевым, одним коротким залпом выпил из него воду и звучно вернул стакан на место.

– Почему? Может не сразу, но найдут? Глубины здесь в промежутках между «банками», – Алекс взглянул на лоцию, – метров двести – триста, не так уж и глубоко, дно ровное, ни скал, ни расселин, если упала и лежит, то видно издалека и легко можно обнаружить. А если попала на «банку», – так еще проще: хоть и в траве, но тоже достаточно заметно. Что тебя смущает? Почему не найдут?

– Понимаешь, в чем загвоздка: против этой возможности говорят сразу несколько фактов. Первый: еще неделю назад, сразу после падения ракеты с пилона бомбардировщика в зоне возможных поисков рыбаки несколько раз замечали странное судно без опознавательных знаков с вооруженными людьми на борту, – пояснил генерал, отбирая у Смолева кувшин с водой и наливая ее себе в стакан. Генерала мучила жажда.

– Ого! Снова конкурирующая организация? Кто такие? – Алекс понял, что успокоился он рано.

– Вот и нам бы понять, кто такие? Рыбаков они не трогали, просто, заметив их издалека, сворачивались и уходили на полном ходу, куда-то в сторону восточного побережья Пароса. А там есть несколько бухт, где можно укрыться от назойливых глаз! Больше этого судна никто не видел. Наши водолазы тоже никого не замечали в этом квадрате.

Генерал злился, хоть и старался этого не показывать. Но Алекс знал друга давно и хорошо успел его изучить за годы совместной службы. Эта злость обычно очень помогала Манну мобилизовать все силы и сосредоточиться на задаче.

– Хорошо, а второй факт? – уточнил Смолев. – Если есть первый, должен быть и второй!

– Второй факт – это шифровка моего агента, который успел передать лишь то, что по оперативным данным неизвестными лицами объявлен негласный аукцион на приобретение боевой части ядерной ракеты мощностью именно в пять килотонн в тротиловом эквиваленте. Эта информация прошла по всем организованным криминальным сообществам Европы, которые занимаются торговлей оружием. И другие параметры «товара», вес, габариты – один в один наша «потеряшка»! На Парос уже начинают съезжаться покупатели, и многих из них мы знаем! Такие персонажи едут! – генерал звучно хлопнул ладонью по деревянной столешнице. – А это означает только одно, что...

– Ракету уже подняли, – кивнул Смолев. – И пытаются сбыть! Но кто? Неужели нельзя их найти?

Генерал, глубоко задумавшись, не ответил. В этот момент раздалась трель телефонного звонка. Смолев снял трубку аппарата, стоявшего на столе перед ним.

– Да, Катерина. Хорошо! Да, да. Скоро! – отрывисто произнес он в трубку и положил ее на рычаг прежде, чем говорливая гречанка успела произнести еще несколько фраз.

– Что? – неодобрительно покосился Манн, недовольный тем, что звонок прервал его размышления.

– Обед уже трижды разогревали, – кротко произнес Смолев. – Повар Петрос близок к инфаркту.

– А и то верно! – потянулся генерал, вставая из-за стола и разминая затекшие мышцы. – Вот и пойдемте обедать! Так, бойцы, – обратился он к израильтянам, немедленно вскочившим, как по команде, – нам вместе лучше не светиться, обед вам принесут в номер. Завтра с утра отправляйтесь на Парос, выходите на контакт с агентом Интерпола, обсудите с ним диспозицию. Задача несколько меняется: надо искать это таинственное судно, которое никто не видел близко. Займитесь восточным побережьем Пароса, но аккуратно, ясно, Меламед? Всем необ-

ходимым вас снабдят на месте: транспорт, оружие, связь, – все получите по прибытии. Садитесь в вертолет и ищите это чертово судно! Буду ждать от вас доклады по телефону каждые два часа. Вопросы есть?

– Никак нет, – улыбнувшись, ответил за себя и за своих подчиненных Меламед. – Все ясно!

– Ясно ему, – пробурчал себе под нос генерал, глядя, как молодые израильтяне, явно оживившись при мысли об обеде, быстро покидают гостиную. – А мне вот ни черта не ясно!..

– Кстати, Витя, – поинтересовался Смолев, проследив за направлением его взгляда. – Я давно хотел спросить: почему израильтяне? У тебя своих людей не хватает? Чье это было решение – привлечь к делу Моссад?

Генерал похлопал друга по плечу, открыл дверь и пропустил Смолева вперед.

– Еще кто кого привлек к делу, друг мой ситный, – произнес Манн вполголоса, взяв Смолева под руку и выходя с ним на пустую галерею в сторону ресторанной террасы. – Информацию об американской пропаже мы получили именно от них. Лично на меня вышел глава их управления по борьбе с ядерной угрозой – есть у них в структуре Моссад такое специальное подразделение. Договорились о полном содействии, но так, что на своей территории управляю процессом я.

– Специальное управление Моссад по борьбе с ядерной угрозой? – переспросил Алекс.

– А ты думал! Лихие ребята: то поголовье физиков-ядерщиков контролируют в Ираке, то Иранскую ядерную программу сдерживают, поставки оружия из России в Сирию и другие страны Ближнего Востока отслеживают, чтобы лишнего чего не просочилось... Ну, и, само собой, отслеживают всякие «потеряшки», вроде нашей. Сейчас это настоящая головная боль! Ты мои досье читаешь?

– Читаю, читаю, – подтвердил Алекс. – Сон уже пропал!

– Вот то-то! А эти парни с такими ситуациями каждый день имеют дело. Не очень, правда, церемонятся с выбором средств, порой жестко работают, но надо отдать им должное: всю информацию получаем от них, в отличие от американцев, в полном и, похоже, достоверном виде. Сам понимаешь, им на территории их, мягко говоря, небольшой страны, взрыв тактического ядерного боеприпаса даже в пять килотонн не нужен никак. Это же просто катастрофа! Особенно, если это будет Тель-Авив, Хайфа, или, не приведи Господь, Иерусалим. Вот тогда наша «Сломанная стрела» быстро станет «Согнутым копьём»! Причем, согнутым в такую дугу, что мало никому точно не покажется!..

– А это еще что? – поинтересовался Смолев, остановившись перед лестницей, что вела с галереи на верхнюю террасу, и вопросительно взглянул на Манна. – Что еще за «копье»? И почему «согнутое»?

– Это, Саша, термин такой, – нетерпеливо пояснил генерал. – Когда потеря ядерного оружия, что уже само по себе не подарок, может еще и привести к началу полномасштабных военных действий нескольких суверенных государств, – вот так-то!.. Ну, так мы обедаем, или ты мне вопросами снова весь аппетит испортишь?

– Пойдем, пойдем, – рассмеялся Смолев. – Пообедаем! Но вопросов у меня еще масса, не обессудь!

– После обеда и задашь! – кивнул генерал.

Друзья быстро взбежали по лестнице на террасу, где у накрытого стола их встретила Рыжая Соня, укоризненно качая головой.

Убедившись, что хозяин и его гость уже уселись за стол, она дала знак официанткам выносить горячее: сегодня на обед Петрос приготовил помимо классической мусаки – запеканки из баранины, еще и чудесного запеченного козленка с картофелем и молодыми томатами в оливковом масле с чесноком и тимьяном.

Обед был уже в самом разгаре, когда раздался телефонный звонок.

Управляющая сняла трубку телефона висевшего на стене кухни, произнесла несколько слов, затем, взяв карандаш, набросала несколько слов на клочке бумаги и положила перед Смолевым.

– Дядя Саша, помнишь, ты просил узнать, что за профессор к нам приезжает из Болгарии? Катерина его нашла на сайте Софийского Университета, вот здесь точное название.

Алекс, быстро проглотив кусок козленка, скосил глаза к записке и прочел две строчки, написанные мелким бисерным почерком его управляющей. На душе его похолодело, а шрам снова заныл.

На клочке бумаги значилось:

«Профессор Софийского Университета имени Св. Климента Охридского Тодор Стоянов, факультет физики, кафедра ядерной физики и естественной радиоактивности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.